

Лин Сяо, вы, кажется, немного рассеянны, — с легкой улыбкой произнес даос в белом халате из дымчатого шелка, украшенном изображением журавлей. Каскад его струящихся, похожих на облака волос ниспадал на грудь, придавая ему нотки необузданной свободы и непринужденной элегантности, делая облик еще более выдающимся и привлекательным. Однако притягательнее внешности была царившая вокруг него неуловимая, зыбкая и туманная аура: казалось, будто он находится совсем рядом, и в то же время — где-то на краю света.

Это был не кто иной, как владыка клана драконов, Лун Цзе.

— Прошу прощения, если позабавил уважаемого Лун Цзе, — даос по имени Лин Сяо носил имя, совершенно не соответствовавшее его нраву, а между его бровей залегло на редкость мягкое выражение.

Встретив Лин Сяо впервые, было поистине трудно вообразить, что этот человек — сам предок мириадов оружия Лин Сяо, который после сотворения неба и земли вторым, следом за даосом Хунцзюнем, успешно слился с Великим Путем. Однако в момент слияния Лин Сяо с Путем все виды оружия в мире явили себя одновременно, и даже сокровища в руках таких святых, как Тайшан, Саньцин и Нюйва, отозвались на этот зов эхом. Чудесное сияние небес и земли не угасало на протяжении десяти тысяч лет, представляя собой поистине грандиозное зрелище.

— Просто мы с даосом Хунцзюнем ранее объединили усилия, чтобы сотворить единый мир, и на душе у меня теперь довольно тревожно, — вздохнув, произнес Лин Сяо. — Раз уж я являюсь предком мириадов оружия, то естественным образом должен заботиться о судьбе всех клинков и мечей.

— О? Неужели вы сотворил с даосом Хунцзюнем мир, принадлежащий исключительно оружию?

— Именно так, — с легкой улыбкой ответил Лин Сяо. — У всего сущего есть душа, а человеческий род уже давно процветает. Люди выбирают знаменитое оружие, а знаменитое оружие выбирает себе хозяев — это искони было делом взаимовыгодным. Сотворив этот мир, мы как раз надеялись, что оружие и культиваторы смогут мирно сосуществовать, избегая лишних смут и беспорядков. А также уповали на то, что они смогут избавиться от кровожадности в своих сердцах и достичь Великого Пути.

— Это великая заслуга. Позвольте спросить, как же именуется этот мир? — задумавшись на мгновение, с улыбкой поинтересовался Лун Цзе.

— Мы с даосом Хунцзюнем взяли по одному слову и нарекли его Великим Миром Уша — Миром Без Убийств.

Время шло, не ведая счёта годам.

Великий Мир Уша среди бесчисленных миров слыл созданием совершенно обособленным.

Оружие здесь было способно принимать человеческий облик, а духовное сознание каждого клинка превосходило всякие ожидания. Получить признание какого-либо оружия из Великого Мира Уша и стать его хозяином означало, что сила культиватора возрастет вдвое, и в этом не было ни малейшего сомнения. Еще прекраснее было то, что божественные клинки могли увеличивать свою культивацию независимо от хозяина, а их преданная защита владельца становилась подспорьем, превосходящим любые ожидания, что неизбежно привлекало к ним множество завистливых взглядов.

Представители расы людей, расы демонов и расы магов — все они могли стать гостями Великого Мира Уша. И по мере того, как статус оружия неуклонно повышался, росло и число кровопролитий между различными расами. Стремясь заполучить заветное оружие, племена и кланы не щадили никого, порождая бесконечную резню. Невозможно было даже сосчитать, сколько клинков и мечей было сломано и уничтожено в те дни. В конце концов на арене мира внезапно появился Тяньвэнь, первый божественный меч Великого Мира Уша, заключивший договор с правителями всех рас и установивший свод строгих правил, благодаря чему на целых десять тысяч лет воцарились мир и согласие.

Однако, выполнив свой долг и уйдя в тень, божественный меч Тяньвэнь бесследно исчез.

Ходили слухи, что меч Тяньвэнь устал от бесконечной борьбы правителей за обладание им и, дабы предотвратить бедствия для всех живых существ, добровольно бросился в пучину Ухуа. Озеро Ухуа было дарованием предка Дао Лин Сяо, а заодно и кладбищем всего оружия в Великом Мире Уша. Стоило лишь ступить в воды Ухуа, как любая, даже самая непревзойденная божественная реликвия обращалась в прах и рассеивалась в небытии. С той поры он превратился лишь в легенду.

После исчезновения меча Тяньвэнь различное оружие Великого Мира Уша вновь принялось яростно оспаривать титул первого божественного артефакта, порождая нескончаемые распри. Даже тем клинкам, которым с таким трудом удавалось взобраться на заветный трон первенца среди артефактов, тут же наступали на пятки новые претенденты, и статус этот постоянно переходил из рук в руки. Вслед за этим бойню и тяжелейшие потери терпели как сами сокровища, боровшиеся за звание главного артефакта, так и их хозяева-культиваторы. И хотя все это было многократно слабее масштабных межрасовых войн прошлых лет, а также учитывая врожденную склонность оружия к кровопролитию, обитателям трех миров оставалось лишь закрывать на происходящее глаза.

Тридцать тысяч лет назад копьё Чжунцзюнь прочно обосновалось на позиции первого божественного артефакта. Его хозяин происходил от смешения трех кровей — человеческой, демонической и божественной, а его уровень культивации был непостижим. Как раз в тот момент, когда три мира уже решили, что этот юноша бросит вызов их устоям, он внезапно погиб, а его душа рассеялась. Копьё Чжунцзюнь тогда тоже сменило владельца и затерялось где-то в трех тысячах миров.

Пятнадцать тысяч лет назад копьё Чжунцзюнь вновь явилось миру. Его хозяином стал тринадцатый сын императора людей — в юности он познал нужду, но в зрелые годы обрел такую безудержную решимость и острый ум, что все ровесники в трех тысячах миров померкли на его фоне и могли лишь в восхищении вздыхать. И всё же, едва этот юноша достиг расцвета

своего блеска и таланта, его настигла внезапная гибель, а истинная причина осталась неведомой. Восемь тысяч лет назад копьё Чжунцзюнь дважды меняло хозяина. Его владельцем был простой смертный даос из семьи потомственных ученых и поэтов, который пришел в даосизм через конфуцианство, основал собственную школу и пользовался огромным влиянием. Однако в разгар расцвета конфуцианского пути этот хозяин вновь пропал без вести, а триста лет спустя ученики обнаружили его останки, но копьё Чжунцзюнь исчезло.

Три появления на свет, три сменившихся владельца.

Нашелся прорицатель, искусный в постижении небесных тайн, который выложил все силы и истолковал гадание: копьё Чжунцзюнь обладает несметным, неоценимым благородством, и даже богам с Буддой оно не по зубам.

С тех пор дурная слава копья, губящего своих хозяев, разнеслась повсюду, прокатившись по всему миру.

— Маленький учитель, маленький учитель, Тешэна опять его матушка отлупила, скорее иди сюда!

Спотыкаясь, прибежал мальчишка в грубой холщовой рубашонке, весь облепленный грязью с ног до головы, и с явным весельем устался на человека, лежащего в траве впереди.

— Опять побили? — юноша, лежавший в траве, слегка приподнялся, и в его голосе прозвучало легкое веселье.

Он появился в этой деревне три месяца назад, и Тешэна за это время матушка лупила раз восемьдесят, не меньше. Раньше он из-за этого сильно переживал, но теперь привык.

— Ага, маленький учитель, — мальчик заторможенно посмотрел на юношу и сказал: — Тешэн велел звать тебя на помощь, спасти его.

Маленьким детям трудно судить о красоте, да и деревенские ребяташки видели не так уж много людей, но каждый раз, глядя на маленького учителя, они думали, что тот невероятно хорош собой.

Около трех месяцев назад маленький учитель упал в обморок от голода прямо перед их деревней, и старосты подобрали его. Придя в себя, он добровольно остался здесь и занял пустующую хижину на востоке деревни, открыв там школу. Родители с радостью отправили его и старшего брата учиться грамоте, наставляя каждый раз усердно заниматься. Вот только из имени маленького учителя он пока умел писать лишь один иероглиф — Цзю.

Юй Цюнцзю — первые два иероглифа выписать слишком сложно!

Тешэн был его лучшим другом, но учил буквы медленно и потому получал от матери нахлобучку каждый день.

Вспомнив боевые навыки тетушки Те, мальчик невольно вздрогнул.

Тетушка Те — это человек, с которым в деревне лучше не связываться! Говорят, в молодости она ходила на охоту вместе с другими мужчинами и даже добыла дикого кабана!

— Ну тогда пошли, — юноша поднялся на ноги, отряхнулся и, ни капли не беспокоясь, взял

ребенка за руку, тепло улыбнувшись: — Не переживай, сестрица Те знает меру, ничего страшного с Тешэном не случится.

— Маленький учитель прав, — мальчик совершенно растерялся от его улыбки и поспешно кивнул. — Ой-ой-ой, маменька, полегче! Тятя, тятя, спасите!

Семи-восьмилетний мальчишка болтался подмышкой у женщины средних лет, пока её вторая рука методично, с некоторым даже ритмом, шлёпала его по мягкому месту. При виде залитого слезами лица Тешэна это зрелище невольно вызывало улыбку.

Отец Тешэна попытался было заступиться, но стоило жене бросить на него свирепый взгляд, как он тут же умолк.

— Мать ребёнка, ты бы поосторожнее, смотри не ударь слишком сильно, как бы рука не заболела.

— У меня рука не болит, у меня голова болит! — грудь тётушки Те вздымалась от гнева. — Такой маленький, а уже соображает, как сбежать с уроков, чтобы возиться в грязи и пугать чужих девочек! Вырастет — станет последним бездельником и шалопаем. Если хорошенько не всыпать ему сейчас, решит, что я тут шутки шучу!

С этими словами тётушка Те замахнулась ещё крепче, да так, что Тешэн от боли даже перестал вопить.

— Сестрица Те, Тешэн опять проказничает? — Юный юноша, держа за руку маленького ребёнка, подошёл к тётушке Те и с улыбкой спросил.

Лицо тётушки Те, только что пылавшее гневом, при виде гостя мгновенно расплылось в улыбке:

— Ой, Цюнцзю, это ты? Какими судьбами?

Затем, переводя взгляд на сына, выражение её лица снова резко переменялось:

— А ну признавайся, паршивец, это ты бегал звать подмогу? — Уа, маленький наставник, спаси меня, у-у-у! — заметив Юй Цюнцзю, Те Шэн поспешно замахал лапами и попытался ухватиться за полу его одежды.

— Сестрица Те, Те Шэн просто немного озорничает. Ты уже так долго его лупишь, небось устала, так что лучше отдохни. Завтра я заставлю его переписать пару страниц книг, и на этом всё, — произнёс Юй Цюнцзю, забирая Те Шэна из материнских объятий и бережно опуская его на землю.

— Хм! Раз уж маленький наставник за тебя заступился, то в следующий раз, если ты снова попадись мне под руку, так легко отделаться не удастся! — Те Шэн ущипнула сына за ухо и рывкнула: — Слышал?!

— Слышал, слышал, — поспешно кивнул Те Шэн, прячась за спиной Юй Цюнцзю.

Юй Цюнцзю похлопал Те Шэна по голове и строго сказал:

— Больше не смей проказничать.

Благодаря заступничеству Юй Цюнцзю, эта напасть благополучно миновала Те Шэна. Покрасневшими глазами мальчишка украдкой показал Юй Цюнцзю язык.

Юй Цюнцзю ещё немного пообщался с деревенскими жителями на тему воспитания детей, и когда он наконец собрался в обратный путь, небо уже начало темнеть.

Это был мир смертных. Та самая беззаботная жизнь, о которой говорила его матушка. Юй Цюнцзю не был рожден при загадочных обстоятельствах. Его мать была служанкой, которую продали в влиятельную семью культиваторов. У нее не было духовных корней, поэтому она выполняла лишь черную работу. Если бы один из одаренных учеников рода не попал под влияние чар одной демоницы, он никогда бы не уложил служанку в свою постель. Беременность обычной смертной женщины не давала ей права войти в семью, к тому же юноша не испытывал к ней никаких чувств.

Поскольку мать Юй Цюнцзю по сути была жертвой, клан закрывал глаза на её существование. В конце концов, жизнь смертных коротка, и тратить на них силы не стоило. Отец Юй Цюнцзю, лишившись своей изначальной мужской энергии и столкнувшись с замедлением прогресса в культивации, вынужден был подчиниться воле семьи и взять в спутницы другую женщину-культиватора.

Однако эта женщина оказалась нетерпимой к соперницам и презирала смертных, а уж тем более беременную служанку. Родители матери Юй Цюнцзю давно умерли, она была совсем одна и жаждала лишь одного — иметь родную душу. Ребенок, связанный с ней кровью, был единственным, что принадлежало ей всецело, и она заботилась о нем со всей нежностью. Разве могла она лишиться его жизни? Она несколько дней стояла на коленях перед отцом ребенка, моля о пощаде и давая клятву, что мальчик никогда не войдет в семью и будет носить фамилию Юй. Юноша, поддавшись минутной слабости, немного помог ей, и она благополучно родила Юй Цюнцзю.

С малых лет Юй Цюнцзю учился грамоте у управляющего. Несмотря на сообразительность, дети, рожденные от смертных, почти никогда не обладали духовными корнями, а если и имели их, то низшего качества, поэтому проверять их не было нужды. Юй Цюнцзю вырос в маленькой хижине вместе с матерью, часто слушая её рассказы о жизни на свободе.

Когда Юй Цюнцзю исполнилось десять, та самая женщина-культуратор наконец забеременела. Она больше не могла терпеть присутствие мальчика, который с каждым годом все больше напоминал ей своего отца, и установила небольшой массив, чтобы ребенок тихо и незаметно угасал.

Мать Юй Цюнцзю была доброй женщиной, мечтавшей о свободе и семейном тепле. Зная, что жить ей осталось недолго, она упростила свою верную подругу-служанку помочь мальчику сбежать после её смерти. Юй Цюнцзю был уже подростком, умел читать и писать, так что с голоду не умрет. Даже если он проживет жизнь заурядного смертного, это все равно лучше, чем оставаться в клане культураторов, где смерть подстерегала на каждом шагу.

Юй Цюнцзю похоронил мать, поклонился в сторону отца, которого никогда не знал, и тихо покинул дом. К несчастью, он заблудился, деньги закончились, и от голода он упал без сил прямо перед этой деревней. Теперь он стал деревенским учителем, обучал детей письму, и хотя жил небогато, на жизнь хватало. Вкус свободы приносил ему истинное удовлетворение.

Когда он станет старше, он мог бы попытаться найти работу получше, скопить немного денег на книги и, возможно, даже сдать экзамены. О пути культивации Юй Цюнцзю не помышлял вовсе.

Те культураторы, которых он видел, смотрели на всех свысока, жили лишь по своей прихоти и, если что-то было не по ним, тут же пускали в ход силу. Никаких добрых впечатлений они у него не оставили.

Юй Цюнцзю чувствовал, что в последние дни его клонит в сон сильнее обычного, поэтому он погасил лампу и рано лег спать.

Его сон был тревожным.

Казалось, кто-то зажал ему рот и нос, дышать было нечем, тело стало невыносимо тяжелым, а в ушах стоял вой и крики множества людей. Он в ужасе вскочил с постели.

Юй Цюнцзю вытер холодный пот со лба и вдруг замер.

Слишком... тихо.

В летнюю ночь деревня обычно полна стрекота цикад и кваканья лягушек, не могла она быть настолько безмолвной.

Сердце Юй Цюнцзю бешено заколотилось. Он снова зажег лампу, шурша одеждой, оделся и осторожно вышел за дверь.

В деревне царил мертвая тишина.

Юй Цюнцзю подошел к дому дяди Вана и, не услышав лая охотничьего пса, ощутил прилив

тревоги. Собака дяди Вана была очень бдительной и лаяла на любого чужака, почему же сейчас было так тихо?

— Дядя Ван? Дядя Ван?

Юй Цюнцзю постучал в дверь — ответа не последовало.

Он поднял голову, взглянул на глиняную стену, поставил лампу на землю и перелез через забор.

Огромный пес лежал на земле неподвижно, словно даже не заметил его прихода.

В голове мелькнула страшная догадка. Юй Цюнцзю бросился к собаке и коснулся её тела.

Холодное, окоченевшее.

Пёс был мертв.

Юй Цюнцзю задрожал. Он толкнул дверь в дом дяди Вана и увидел его лежащим на кровати в неестественной позе: лицо посинело, дыхания не было.

— Дядя Ван, дядя Ван! — Юй Цюнцзю тряс его, отказываясь верить в происходящее.

— Тетя Ли! Тетя Ли!

— Тешен! Староста!

Юй Цюнцзю бегал по всей деревне, стучал в каждую дверь, перелезал через заборы, но все были мертвы. Вся деревня: куры, утки, свиньи и даже насекомые в траве — всё живое погибло.

Лишь он один остался в живых.

— Почему... почему так? — Юй Цюнцзю сидел на земле, глядя перед собой остекленевшим взглядом.

Ведь еще недавно все было хорошо, люди жили обычной жизнью. Почему, проснувшись, он обнаружил, что все мертвы?

Это культиваторы!

Глаза Юй Цюнцзю налились кровью. Кроме них, он не мог представить никого, у кого хватило бы сил убить всё живое в округе, не встретив сопротивления. Но даже если бы это была семья той женщины, зачем им тратить столько сил на такого мелкого человека, как он?

Разве что... это Маг Пути Демонов, о которых с ужасом шептались управляющие.

— Еще один живой? — внезапно в тишине ночи раздался голос, от которого кровь застыла в жилах. — Мой массив не мог ошибиться. Если ты, простой смертный, остался невредим, не обладаешь ли ты редким духовным корнем Небесного уровня?

Едва он договорил, чья-то рука подхватила Юй Цюнцзю за подбородок, заставив встретиться с мутным взглядом.

— Ха-ха, только природная духовная энергия Небесного корня могла противостоять моему массиву. Кто бы мог подумать, что в такой глуши найдется такой редкий росток? Когда я вытяну твою духовную энергию, мои раны исцелятся!

Старик, на вид лет шестидесяти, с седеющими волосами и в простом даосском халате, выглядел бы как мудрец, если бы не жуткое выражение его лица.

— Ты... ты культиватор? — Юй Цюнцзю сжал кулаки и оттолкнул руку, державшую его подбородок. — Это ты их убил?

— Я здесь ни при чем, — вздохнул старик. — Если бы я не преследовал того Мага Пути Демонов, я бы не получил таких тяжелых ран. Под этой деревней есть жила духовной энергии, редкая находка, она как нельзя лучше подходит для моего восстановления. Если бы весть о ней просочилась наружу и привлекла того мага, было бы очень плохо.

Старик, увидев достойную внешность Юй Цюнцзю и наличие у него Небесного духовного корня, загорелся новой идеей.

Он был тяжело ранен, его жизнь подходила к концу, и от отчаяния он пошел на зло, убив этих людей. Он считал себя последователем праведного пути, поэтому применил массив, который поглощал жизненную энергию безболезненно и тихо. В сочетании с духовной жилой этого хватило бы ему для исцеления. Но даже исцелившись, он бы всё равно мучился, пытаясь достичь стадии Раскалывания Ядра и Рождения Зародыша, и в конечном итоге, скорее всего, сгинул бы в небытие.

Но перед ним стоял смертный с Небесным духовным корнем, о котором никто еще не знал.

Если бы ему удалось вселиться в это тело...

Соблазн был слишком велик, и старик принял решение мгновенно.

— Малыш, когда ты отдашь мне свое тело, я, так и быть, поставлю несколько памятных плит жителям этой деревни! — Сказав это, старик молниеносным движением схватил Юй Цюнцзю за горло, едва не задушив его.

— Угх... — Юй Цюнцзю задыхался, его лицо побагровело. Старик не ослаблял хватку, и как бы Юй Цюнцзю ни сопротивлялся, это было подобно тому, как жук пытается пошатнуть дерево.

Вот они, культиваторы!

Вот она, смерть!

Она была еще более откровенной и холодной, чем та тьма, которую он видел в клане.

Когда парень остался почти бездыханным, старик довольно усмехнулся. Ему нужно было,

чтобы жизненная сила жертвы почти угасла, тогда он смог бы легко захватить тело.

— Какая внешность, какие кости! — старик рассмеялся. Всю жизнь он жил в бедности и самоограничении, а в итоге пришел к гибели. Но стоило ему однажды поступить по своей воле, как он обрел такое идеальное тело, да еще и духовную жилу под деревней. Бессмертие было совсем рядом, великое Дао открывалось перед ним.

Даже будучи осторожным, старик не удержался от триумфа.

— Малыш, твое тело я...

Он не успел договорить. Старик рухнул на землю, как подкошенный, и замер без всякого движения.

Юй Цюнцзю почувствовал, как мягкая сила разливается по его груди, а в ушах послышался чей-то вздох. Он с трудом открыл глаза и увидел лицо, которое не смог бы представить даже в самом смелом сне.

Даже в этой ночной тьме оно сияло ярче солнца.

— Жалкое зрелище, паренек, — человек ткнул Юй Цюнцзю в щеку. — Ты умираешь.

Юй Цюнцзю не мог вымолвить ни слова, но если бы этот незнакомец не прижимал руку к его груди, согревая его, у него, возможно, не хватило бы сил даже открыть глаза.

— Я спасу тебе жизнь, а ты сделаешь для меня кое-что, — улыбнулся человек. — Если согласен — моргни.

Юй Цюнцзю с трудом моргнул.

— Раз согласен, значит, договорились, — человек усмехнулся, склонился к нему и припал губами к его губам.

Юй Цюнцзю широко раскрыл глаза.

— Я передал тебе частицу своей жизненной энергии, теперь твоя жизнь принадлежит мне.

— Ступай на путь культивации, Юй Цюнцзю. Это мир, которому ты принадлежишь по праву.

Эти слова эхом отозвались в голове Юй Цюнцзю, заставив его чувствовать, будто череп готов расколоться.

Прежде чем погрузиться во тьму, единственное, о чем успел подумать Юй Цюнцзю, было: как этот человек узнал его имя?

<http://bllate.org/book/21933/2278787>